

Убедившись, что погони нет, Чжао Шинин наконец отпустила Вань Шу и, задыхаясь от смеха, проговорила:

— Никогда не думала, что пинать людей так приятно. Его разукрашенное синяками лицо доставило мне огромное удовольствие.

Вань Шу сжал пальцы, чувствуя, как ладони слегка горят; ему показалось, что её улыбка сияет слишком ослепительно.

— Эй, ты меня слышишь? Почему ты молчишь?

Чжао Шинин ткнула его пальцем, но, видя, что Вань Шу не реагирует, сочла это скучным, подперла щеку рукой и уставилась на речной пейзаж. Ветер развеивал подол её изумрудного платья, словно крылья бабочки, готовый взлететь, а прозрачная вода отражала её силуэт.

Лишь взглядевшись в водную гладь, Чжао Шинин заметила на щеке тонкую кровавую полосу — должно быть, оцарапалась о ветку, когда в спешке убегала. На бледной коже ранка выглядела особенно заметно.

— Вань Шу, мне больно.

Она жалобно посмотрела на него, и в её темных глазах заблестели слезы. Намерение было очевидным: она хотела, чтобы Вань Шу исцелил её своей духовной силой.

— Уясни одну вещь: я здесь, чтобы следить за тобой, а не прислуживать. К тому же эта рана у тебя была давно, почему же ты не жаловалась раньше? — Вань Шу отвернулся, не желая с ней разговаривать.

— Вань Шу, не надо всё время тыкать. У меня есть имя — Чжао Шинин. Впрочем, если ты будешь называть меня Ниннин, я не против.

Чжао Шинин тихо произнесла «Ниннин», придав голосу особую, двусмысленную мягкость.

Юноша, до этого демонстрировавший лишь свою спину, резко обернулся. Он с недоверием уставился на неё, покраснев до корней волос:

— Чжао Шинин, не переходи границы! Кто станет называть тебя Ниннин? Не тешь себя иллюзиями.

Видя, что этот невинный тигренок вот-вот сбежит, Чжао Шинин поспешила за ним и, словно медвежонок, повисла на его руке. Её голос, пропитанный влагой весенней реки, звучал вкрадчиво и соблазнительно:

— Нет, ты не можешь уйти. С кем я буду играть, если ты уйдешь? Пожалуйста, не уходи.

Она привыкла использовать свое умение ластиться. В детстве, находясь рядом с матерью, она всегда могла вызвать у той прилив нежности, а будучи уличной попрошайкой, научилась придумывать жалостливые истории, выпрашивая у прохожих больше денег, чем другие нищие.

Вань Шу, измученный её назойливостью, наконец сложил пальцы в заклинание исцеления. Глядя, как затягивается рана, он не удержался от колкости:

— Хм, эту рану действительно стоило лечить. А то еще немного — и она бы сама зажила.

Чжао Шинин хотела было попросить его обучить её заклинаниям, но зрачки Вань Шу внезапно сузились в вертикальные щели. Он стремительно затащил её за густые кусты и, прижав ладонь к её болтливому рту, прошептал предупреждение:

— Тише. Кто-то идет, и их уровень совершенствования весьма высок. Если не хочешь, чтобы нас обнаружили, закрой рот.

Чжао Шинин моргнула и, на удивление послушно кивнув, выглянула сквозь листву. Она увидела знакомый ярко-алый цвет. На недавнем состязании сект в таких одеждах появлялся только старейшина Секты Хэхуань — Шуй Фушэн.

— А-Чжоу, я почти прорвалась на стадию Очищения Пустоты...

Голос Шуй Фушэн звучал нежно, подобно пению иволги, отчего у Чжао Шинин едва не задрожали кости.

— Шуй Фушэн, кроме этого, у тебя есть другие причины приходить ко мне? Кто был тот смазливый юнец, что крутился возле тебя на собрании сект?

Голос мужчины... Чжао Шинин показался он смутно знакомым.

— А-Чжоу, ну зачем ты так придираешься? С ним я просто забавлялась, ты — самый важный человек в моем сердце. К тому же сейчас я рядом с тобой, можешь наказывать меня как хочешь...

...

— Чжао Шинин, что они делают? Почему они кусают друг друга? — раздался голос Вань Шу прямо у неё над ухом.

Чжао Шинин, лишь с опозданием осознав, что рядом с ней несовершеннолетний тигренок, поспешно закрыла ему глаза ладонью и прикрикнула:

— Детям нельзя подглядывать! Закрой уши!

— Зачем закрывать уши? Ты же смотришь, почему мне нельзя?

Чжао Шинин зло дернула его за высокий хвост и, взглянув на оставшиеся в пальцах длинные серебристые волосы, почувствовала легкую неловкость. Пытаясь скрыть смущение за показной строгостью, она огрызнулась:

— Я взрослая, мне можно!

Прислушиваясь к звукам, доносившимся оттуда, Чжао Шинин отвела взгляд. Её сердце невольно забилось чаще, во рту пересохло, а ладонь, которой она закрывала глаза Вань Шу, постоянно потела. Шуй Фушэн открыла перед ней новый мир — мир, о котором она прежде не имела ни малейшего представления.

...

Спустя долгое время.

— Как она смогла прорваться... — Чжао Шинин, уставившись на мягкое сияние, исходящее от фигуры женщины, широко раскрыла глаза от изумления.

Она невольно прижала руку к бешено колотящемуся сердцу. Казалось, она случайно раскрыла невероятную тайну: оказывается, близость с мужчиной может помочь в совершенствовании. Надо же, какое везение.

Когда всё закончилось, Чжао Шинин обнаружила, что её ноги в кустах окончательно затекли.

— Выходите, не прячьтесь. Я знала, что вы там, — Шуй Фушэн тихо рассмеялась, бросая на кусты томный взгляд.

Эти слова явно были адресованы Чжао Шинин — при уровне совершенствования Вань Шу обнаружить его было невозможно. Чжао Шинин неловко поднялась и, растерянно глядя на Шуй Фушэн, впервые в жизни лишилась своего обычного красноречия:

— Я... я не специально подсматривала... Простите.

Шуй Фушэн, не обращая на это внимания, покачала головой и внимательно окинула Чжао Шинин взглядом, слегка улыбнувшись. Она подняла руку с ярким лаком на ногтях, начертила в воздухе заклинание и направила его на девушку. Чары рассыпались вокруг неё, словно бабочки, источая густой и приятный аромат.

— Девочка, я вижу, что ты одарена. Вместо того чтобы тратить годы в Секте Цинъюнь, лучше стань моей ученицей. Вот адрес Секты Хэхуань. Если надумаешь — приходи.

Она взглянула на небо, где начали сверкать молнии, и добавила:

— Я достигла стадии Очищения Пустоты и скоро должна пройти через небесную кару, так что долго говорить не могу. Девочка, тебе понравится в Секте Хэхуань.

Оставив эти слова, Шуй Фушэн улетела, унося с собой грохот надвигающейся грозы. Чжао Шинин осталась стоять на месте, долго не в силах прийти в себя. За всю свою жизнь она впервые услышала, что она одарена.

— Секта Хэхуань... — прошептала она, мысленно повторяя адрес.

— Чжао Шинин, ты не должна идти в Секту Хэхуань, — прервал её мысли Вань Шу. — Та женщина поглощала жизненную силу и совершенствование того мужчины. Ты всего лишь обычный практик. Подобные деяния противны Небесному Пути, и после смерти Город Фэнду не пощадит тебя. Даже если тебе чудом удастся стать бессмертной, Небесный Путь не проявит снисхождения.

Чжао Шинин подняла на него взгляд, чувствуя раздражение:

— Неужели Ци Бумянь и тот Небесный Император наверху настолько праздны, что только и делают, что всех наказывают? К тому же, жизнь практиков так длинна, а их сила так велика, как они могут так легко умереть? Тот мужчина ведь был доброволен. И вообще, какая тебе разница, пойду я туда или нет? Ты ведь собирался меня убить, разве нет?

Лицо Вань Шу почернело от гнева, но он сдержался и не ушел. Он не понимал людских страстей, но знал: подобные порочные техники поглощения чужой силы рано или поздно поглотят самого практика.

— Чжао Шинин, против причинно-следственных связей Небесного Пути не пойдешь. Не делай глупостей.

— Тогда я пересплю с самим Небесным Путем, а заодно и с твоим господином... Ци Бумянем,
— фыркнула Чжао Шинин.

Вань Шу был окончательно выведен из себя и ушел.

Чжао Шинин несколько раз чихнула, проклиная Вань Шу — наверняка он где-то за спиной сплетничает о ней. Впрочем, если он ушел, тем лучше: она может продолжить свой путь.

Эта мысль мелькнула в голове и тут же сменилась воспоминанием о том, как Шуй Фушэн прорвалась на новую стадию. Её наставник перед вознесением был сильнейшим из тех, кто следовал пути меча в Секте Циньюнь, а теперь он и вовсе стал бессмертным... Если бы она смогла провести ночь с небожителем...

Тогда, не говоря уже об Очищении Пустоты, она могла бы достичь стадии Великого Достижения, а там, глядишь, и до вознесения недалеко. Стоило представить, как она — никчемная неудачница, которую каждый может обидеть, — однажды легко вознесется, как Чжао Шинин охватило небывалое возбуждение.

— Нельзя убегать. Надо вернуться. Вернуться в Павильон Безграничности и соблазнить Се Линьчжо. И не один раз, а много-много раз! — Чжао Шинин, покусывая палец, развернулась и побежала обратно.

Не успела она отойти далеко, как увидела группу людей, идущих ей навстречу. Тот самый практик, которого она пнула на состязании, указал на неё пальцем и заорал:

— Это она! Хватайте её! Это она выдавала себя за ученицу господина из Павильона Безграничности, это она устроила беспорядки на состязании!

Сердце Чжао Шинин пропустило удар. Не успела она опомниться, как её окружили плотным кольцом.

— Вяжите её и тащите к главе секты! Она явно шпионка из Мира Демонов. Где тот мальчишка, который был с тобой? — злобно спросил мужчина, на лице которого еще не успела засохнуть кровь.

Чжао Шинин поджала губы и холодно оглядела окруживших её людей:

— Я не лгала. Я ученица Се Линьчжо. Не смейте меня трогать.

— Смехота! Никчемная девчонка на стадии Концентрации Ци смеет примазываться к ученикам Достопочтенного Мечника!

Никчемная. Снова никчемная.

Когда её называли так сильные мира сего, она могла стерпеть — в мире совершенствования правит сила. Но как смеют эти отбросы?

Уголки губ Чжао Шинин медленно растянулись в жесткой усмешке:

— Я не никчемная.

Окружающие её мужчины разразились хохотом.

— Малышка, ты забавная. Раз уж ты довольно симпатичная, лучше переспи с нами, и мы не станем отдавать тебя главе секты, чтобы ты не пострадала от пыток.

Чжао Шинин тоже засмеялась:

— Хорошо.

В тот же миг она голыми руками выхватила длинный меч из рук ближайшего к ней практика и, не дрогнув, вогнала его прямо в грудь мужчине. Раздался хлюпающий звук, и кровь брызнула на Чжао Шинин. С бесстрастным лицом она выдернула клинок и, направив его в горло мужчине, вонзила снова.

В ту же секунду мощная волна меча, окутанная холодом и инеем, отбросила всех остальных практиков на сто чи прочь. Чжао Шинин стояла в самом центре этой ауры, вся в крови, и растерянно смотрела вверх, где в облаках стоял Се Линьчжо.

— Учитель.

<http://bllate.org/book/22397/2350504>